

МАСТЕР И ЕГО «СОСЕДИ»

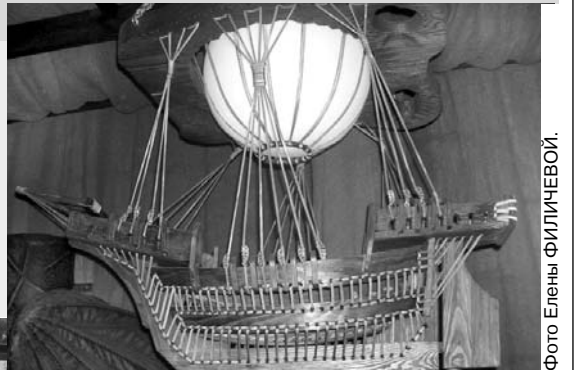

Фото Елены ФИЛИЧЕВОЙ.

Бывает, идёшь по улице — листья и лица серы. Темны мысли и тротуары, скучны встречи и наряды.

Думаешь: вот бы унести куда-то, в яркие карнавальные края, к радужным звонким проспектам.

Но знаешь уж давно: там то же самое. Ряженные гуляки, а в разговорах — одна жратва; витиеватые причёсками художники, а под теми попугайскими причёсками — воробыная пустота извилин.

Речи чем умней, тем унывней; всё знакомо, перепето сотни раз; "художественные" поделки размалёваны с претензией детсадовца.

И это столицы — что же в наших глубинных местах...

Наши творцы причёсываются под столицы, а гуторят ещё смелей и занудней; толкуют про высокие, но давно истоптанные классиками материи; поносят удачливых модных западников; презрительно сплёвывая, цедят ругательное словечко "китч".

Но главное, поделки их так же претенциозны и аляповаты — хоть под ночной горшок используй.

И во всём мире серость, серость...

И вдруг — искра.

И вдруг прямо рядом с тобой выглядывает откуда-то из весёлого закутка забавная рожица — да такая милая, не скоромошья, не балаганная.

Что это? Вроде бы из сказок братьев Гримм или Ершова — нет, вовсе нет. Вся палитра чувств отражена на медном, именно медном личике; в глазах грустинка такая живая, мудрость такая глубокая, подначка такая приятельская.

Никак не поверю, что это у нас в Орле, в катакомбах какого-то комбината, где мастер арендует несколько закопченных помещений, ютится такое чудо.

Из всех углов выглядывают металлические и одновременно такие мягкие эльфы в изысканно сшитых цветных атласных костюмчиках.

Наверное, многие видели выкованного мастером Леонидом Амелёхиным одноногого Сильвера, что на улице Октябрьской. Так вот, симпатичный угрюмый тот Сильвер не идёт ни в какое сравнение с куклами из мастерской, которых сам Амелёхин шутиливо зовёт своими соседями.

Леонид молод, очень молод, ему ещё нет и сорока. Родился в Орле, окончил школу № 6 — и больше ничего.

Самородок, настоящий самородок.

— Блоху подкуёшь?

— Нет, неинтересно. Мне не дают покоя лавры Зураба Церетели.

Думаешь: ну и чудак. Гигантомания будоражит лишь глупцов, а умных — злит. Она ведь титится сама для себя. Если Эйфелеву башню уменьшить вдесятеро — кто бы о ней знал, кто бы рыдал над нею умильной, якобы выдавленной высоким искусством слезою?

Хорошо, что Леонид применил это просто как фигуру речи. Он

независим в суждениях, не боится говорить странности. Его облик — сам по себе слегка вызывающий; кожаная, врачебного покроя шапочка, бритая голова, тёмные очки. Молодость, это очень скоро уйдёт.

— Я псих. Сижу тут сутками, работаю ночами. Работа даёт великое отдохновение. Работа лечит.

Куклы сделаны методом гальванопластики. Все мы в школе изучали, что это такое, да благополучно забыли.

Леонид создаёт свои творения с упоением. Костюмы раньше сам шил, все эти ботиночки сделаны с неподражаемым изяществом. Сейчас у него есть помощники, такие же истовые парни. Они чувствуют — работа у них с настоящим искусством.

В Москве на выставке не знали, что с этими произведениями делать. Они столь выпирали из экспозиции, столь затмевали собою всё, что стояло рядом, поражали нестандартом и каким-то не укладывающимся в "каноны" совершенством.

Ни в каких творческих союзах Леонид не состоит, и правильно делает: эти "союзы" и "сообщества" часто создаются по принципу стаи, сборище слабых и завистливых. Был бы авторитетный лидер... Но где он? Как у Наполеона: "Армия баранов, возглавляемая львом, всегда победит армию львов, возглавляемую бараном".

Однако Леонид Наполеоном не интересуется. Как и многим другим. Ему интересны его "соседи".

Вот Мажор, весёлый, морщинистый, а вот его пара — Минор, грустный, поникший над скрипкой и смычком.

Вот баба Яга — не та, что мы привыкли видеть, хотя и верхом на метле, но какая-то космическая, вдохновенная в своём ас-

ральном полёте, в развевающемся платье.

— А мавра как зовут?

— Он пока без имени.

— А шута?

— Это Осип, придворный шут Ивана Грозного.

Леонид приходит к своим работам с трудом, как и полагается трудолюбивому самоучке. "Искусство делают дилетанты", — сказал кто-то из великих.

Это правда, истинная правда, дилетант свободен от шаблонов, его мысль не обременена высоколобыми теориями, теории Леонид создаёт сам, и это есть примета всего его творчества.

Изначальную поделку расколол тесаком, — не вышла. Ещё школьником делал первый русский линейный корабль Петра Великого, по чертежам, сплошная чертёжная шарада. Расколол, злился.

Вобщее, как сказал, раньше набил себе шишек, как козёл в загонке. Сейчас голова его чиста и без единого шрама.

С журналистами он не встречается, от всех интервью решительно отказывается. И то: какому тонко мыслящему художнику хочется, чтобы о нём писали одни общие словеса, с шаблонами до изжоги восторгами?

Со мною встретился в виде исключения, хитро подкупил я его своей книжечкой о русских лешаках да русалках, ну и рекомендацией одного его надёжного друга заручился.

Говорили всего час, потом он вернулся к кузнечному горну, у него снова срочный заказ.

На все вопросы отвечал ёмко, оригинально, умно. Многословных богемных словопрений терпеть не может.

— Брызгать слюной? Это прошло.

Лукавит, лукавит опять же по

молодости. Эпатаж пока любит, что-то вворачивает о цинизме, как защите от назойливых пустомель.

К популярной музыке равнодушен и тут совершенно прав. — После Высоцкого кого-то слушать? Но под Владимира Семёновича работать нельзя. Под Гребенщикова, что ли? Да его псевдоистины слушать — как газету читать, лишь по диагонали и можно.

Гамаюна он делал более полугодом. Волшебное скопище в широко распластанной по стене красной коже, из меди, этакое ну с коготками летучей мыши; прикус нечеловечный, но всё вместе — человецье, притягательное, то, что зовётся — совершенство.

— Для чего эти светильники?

— Да ни для чего.

Каждый такой светильничек упакован в чудесную оправу, у каждого — своя, разглядывать можно часами.

— А галера зачем под потолком?

— Потому что летит.

Светящегося кованого скорпиона он называет козявкой.

— И что в нём?

— В нём восемь ног. Эти козявки мне нравятся именно тем, что никогда не путаются в своих ногах. У человека две ступни — и то порой он их ровно, в очередь, поставить не может. А эти твари созданы столь сверхъестественно правильно, что нам и не снилось.

Да, между прочим, человек уничтожил уже много животных видов, которым позавидовал, но ни одного вида насекомого (из миллионов) ещё не смог заморить.

— Про новые задумки скажешь?

— Нет. Скажу — не сбудется.

Точно, ну как точно же! Сколько раз мне самому приходилось слушать вдохновенные исповеди приятелей про то, что "я вот сейчас размышляю над тем-то, это будет так-то, это замысел замыслов".

Наговорил, как мёду напился, наудивлял — и забыл, замолк;

потом, мол, сделаю, потом. И никогда не делает.

"Так гибнут замыслы с размахом — от промедлений долгих".

А тут, кажется, замыслы сбываются с точностью цыганских пророчеств. Так много работ, такое пиршество глазу — и всё без единой грубой детали, всё доведено до искристого глянца.

— У тебя всё больше старички горбатенькие. Почему не делаешь розовощёких тёток, какие когда-то сидели в витринах магазинов и пили, отдуваясь, чай?

— Потому что у стариков намного более выразительные черты. Их морщины несут саму жизнь, во всей её бездне. Особенно, если вы заметили, характерные лица у некоторых армян и евреев. Не зря их столь часто рисуют. У меня поэтому много таких имён: "Соломон", "Наум". Ну вот ещё Клаус им не уступит.

Клаус — это викинг. С мечом, задумчивый. У Амелёхина большинство кукол — задумчивые.

Леонид Анатольевич делает, конечно, не только кукол. Они ему и впрямь больше нужны для соседства, хотя и вызывают восторженный писк всех клиентов. Но вот рядом — кресло-олень, в которое приятно было бы сесть и королю, настоящий трон.

Есть потрясающие мечи-кладенцы, но намеренно и надёжно затуплённые, только для дизайна. Кованые пристенки и решётки такие изукрашенные, что просидел бы за этой решёткой весь присуждённый тебе судьбою срок.

Особенно, если рядом вот эта — то ли Аэлита, то ли рокерша.

Чем же она, бессловесная и холодная, привлекает? В очках-шлеме, в пикантных кожаных сапогах на бесподобно длинных и стройных икрах — само божество, умаявшееся на мотоцикле и прилгшее прямо тут, у ног своего создателя.

И абсолютно чудесная женщина с птичьим лицом. Может, египетский мотив, может, чисто наш (Алконост, Феникс?). Лицо птичьё — а фигура сам идеал; погладил — живая, тёплая.

Такое делает только мастер, влюблённый в жизнь. Жизнь, полностью проводимую в своих кузнечных катакомбах.

...Бывает, идёшь по улице — листья и лица праздничны. Цветные мысли и тротуары, яркие встречи и наряды.

Такое я испытал, возвращаясь из мастерской Леонида Амелёхина.

Юрий ОНОПРИЕНКО.